

МРНТИ 16.21.51

<https://doi.org/10.26577/JOS201194626>У.Е. Кенжебаева

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан
e-mail: uli.05@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АРАБСКОЙ ЛЕКСИКИ В ИНТЕРЛИНЕЙНОЙ РУКОПИСИ «КИТАБ МУКАДДИМА»

В статье рассматривается прагматическая адаптация арабской лексики в мамлюкско-кыпчакских строках двуязычной рукописи «Китаб Мукаддима» Абу-ль-Лейса ас-Самарканди, хранящейся в библиотеке Сулеймание в Стамбуле в коллекции Ayasofya под шифром MS 1451.

Актуальность исследования определяется тем, что данная рукопись позволяет проследить не только лексический перенос арабских религиозных терминов в тюркскую языковую среду, но и механизм прагматической адаптации исламского нормативного текста к адресату, для которого кыпчакский язык выступал языком понимания и обучения. Цель исследования – раскрытие лингвистического механизма репрезентации исламских норм в рукописи «Китаб Мукаддима». Материалом исследования послужили фрагменты рукописи, содержащие арабский текст и кыпчакские глоссы.

Использованы методы текстологического описания, семантико-прагматического анализа, сопоставления арабской и кыпчакской строк, а также элементы концептуального моделирования. Проведен анализ императивных конструкций «*namaz qylyñ*», «*zekat beriñ*» и лексем فرض (долг, обязательство), دعاء (молитвенное обращение, просьба), غيب (сокровенное, невидимое), جنة (рай), ذكر (зикр), خير / شر (добро и зло). Выявлено, что перевод не ограничивается передачей содержания текста и интерпретацией религиозных терминов, но также формирует в кыпчакской строке языковую модель религиозных норм, ориентированную на тюркоязычного реципиента. Особое значение имеет то, что арабские глагольные формы второго лица множественного числа повелительного наклонения в кыпчакской строке передаются аналитическими сочетаниями с глаголами *qyl* и *ber* в форме императива второго лица множественного числа. Такое грамматическое соответствие сохраняет коллективную направленность религиозного предписания, одновременно выражая его через тюркские глагольные модели конкретного действия. В результате исламская норма представлена не только как общее религиозное установление, но и как практическая инструкция, в которой доктринальный смысл получает форму исполняемого действия. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать предложенную модель при описании средневековых тюркских исламских памятников, религиозной терминологии и механизмов культурной адаптации арабо-исламского дискурса.

Ключевые слова: теолингвистика, «Китаб Мукаддима», прагматическая адаптация, религиозный дискурс, императивные конструкции.

U.E. Kenzhebayeva

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: uli.05@mail.ru

Pragmatic Adaptation of Arabic Lexis in the Interlinear Manuscript Kitab Muqaddima

The article examines the pragmatic adaptation of Arabic lexis in the Mamluk-Kipchak lines of the bilingual manuscript Kitab Muqaddima by Abu al-Layth al-Samarqandi, preserved in the Ayasofya Collection of the Süleymaniye Manuscript Library in Istanbul under the shelfmark MS 1451.

The study is relevant because the manuscript reveals not only the lexical transfer of Arabic religious terms into the Turkic-speaking environment, but also the mechanism by which an Islamic normative text was pragmatically adapted for a recipient who thought and learned in the Kipchak language. The aim of the study is to reveal the linguistic mechanism through which Islamic norms are represented in Kitab Muqaddima. The material comprises fragments containing Arabic lines and Kipchak glosses.

Methods include textual description, semantic-pragmatic analysis, comparison, and elements of conceptual modeling. The study analyses the imperative constructions *namaz qylyñ* and *zekat beriñ* together with lexemes فرض (duty), دعاء (supplication), غيب (the unseen), جنة (paradise), ذكر (dhikr), خير

شَرّ /good/evil). Findings show that the translation does more than convey textual content and explain religious terminology: the Kipchak line constructs a linguistic model of religious norms oriented towards a Turkic-speaking recipient. Of particular importance is the rendering of Arabic second-person plural imperative verb forms through Kipchak analytical constructions formed with the verbs *qyl* and *ber*, likewise marked for the second-person plural. This grammatical correspondence preserves the collective orientation of the religious injunction while expressing it through Turkic verbal models of concrete action. Consequently, the Islamic norm appears not only as a general religious principle, but also as a practical instruction in which doctrinal meaning takes the form of an executable action. The proposed model may be applied to the description of medieval Turkic Islamic written monuments, religious terminology and mechanisms of cultural adaptation in Arabic Islamic discourse.

Keywords: theolinguistics, Kitab Muqaddima, pragmatic adaptation, religious discourse, imperative constructions.

У.Е. Кенжебаева

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан
*e-mail: uli.05@mail.ru

«Китаб Муқаддима» интерлиниялық қолжазбасындағы араб лексикасының прагматикалық бейімделуі

Мақалада Ыстамбұл қаласының Сүлеймание кітапханасындағы Ayasofya топтамасында MS 1451 шифрымен сақталған Әбу әл-Ләйс әс-Самарқандидің екі тілді «Китаб Муқаддима» қолжазбасының мәмлүк-қыпшақ тіліндегі жолдарында араб лексикасының прагматикалық бейімделуі қарастырылады.

Зерттеудің өзектілігі аталған қолжазбаның араб діни терминдерінің түркітілді ортаға лексикалық тұрғыда ауысуын ғана емес, исламдық нормативті мәтіннің қыпшақ тілінде ойланып, білім алатын реципиентке прагматикалық бейімдеу тетігін де анықтауға мүмкіндік беруімен айқындалады. Зерттеудің мақсаты – «Китаб Муқаддима» қолжазбасындағы исламдық нормаларды репрезентациялаудың лингвистикалық механизмін айқындау. Зерттеу материалы ретінде қолжазбаның араб тіліндегі жолдары мен қыпшақ глоссалары бар фрагменттері алынды.

Зерттеуде мәтінтанулық сипаттау, семантикалық-прагматикалық талдау, салғастыру әдістері, сондай-ақ концептуалдық модельдеу элементтері қолданылды. «*Namaz qylyñ*», «*zekat berіñ*» императивті конструкциялары мен فرض (міндет, парыз), دعاء (дұға), غیب (ғайып), جنة (жәннат), ذكر (зікір), خير / شَرّ (жақсылық пен жамандық) лексемалары талданды. Аударманың мәтін мазмұнын жеткізумен және діни терминдерді түсіндірумен ғана шектелмей, мәмлүк-қыпшақ тіліндегі жолда түркітілді реципиентке бағдарланған діни нормалардың тілдік моделін қалыптастыратыны анықталды. Араб мәтініндегі екінші жақ көпше түрдегі бұйрық рай етістік формаларының қыпшақ тіліндегі *qyl* және *ber* етістіктерінің көмегімен жасалған екінші жақ көпше түрдегі бұйрық рай формасындағы аналитикалық тіркестермен берілуінің мәні ерекше. Мұндай грамматикалық сәйкестік діни нұсқаудың қауымдық бағытталуын сақтай отырып, оны түркі тіліндегі нақты әрекет модельдері арқылы жеткізеді. Нәтижесінде исламдық норма жалпы діни қағида ретінде ғана емес, доктриналық мағынаға практикалық әрекет формасында берілетін қауымдық мәні бар нұсқау ретінде де көрінеді. Зерттеудің практикалық маңызы – ұсынылған үлгіні ортағасырлық түркі ислам жазба ескерткіштерін, діни терминологияны және араб-ислам дискурсының мәдени бейімделу механизмдерін сипаттауда қолдану мүмкіндігімен айқындалады.

Түйін сөздер: теоллингвистика, «Китаб Муқаддима», прагматикалық бейімдеу, діни дискурс, императивтік құрылымдар.

Введение

Средневековые интерлинейные рукописи исламского содержания, представляют собой двуязычные памятники, в которых арабский исходный текст сопровождается тюркской переводной строкой. Такие источники давно перестали рассматриваться исключительно как материал для исторической грамматики, поскольку в них отражаются более сложные

процессы языковой и культурной адаптации: освоение универсальных для мусульманской традиции религиозных норм конкретным адресатом; сохранение сакрального и терминологического статуса арабской лексики при его включении в тюркские грамматические модели; преобразование религиозного предписания из абстрактной богословско-нормативной формулы в оформленное языковыми средствами практическое действие.

Особенно отчетливо взаимодействие языка, религиозной нормы и практики проявляется в двух арабско-мамлюкско-кыпчакских версиях труда Абу-ль-Лейса ас-Самарканди «Китаб Мукаддима»: первая хранится в библиотеке Сулеймание в Стамбуле, в коллекции Ayasofya под шифром 1451 (сокр. Ayasofya 1451), вторая – в библиотеке Dār al Kutub в Каире, в коллекции ханафитского фикха под шифром MS 721 (сокр. Fiqh Hanafi MS 721). Стамбульская версия рукописи относится к числу известных и ранее изученных памятников, тогда как каирская версия представляет собой новый для тюркологии рукописный материал.

Абу-ль-Лейс ас-Самарканди относится к числу видных представителей ханафитской научной традиции Мавреннахра X века. Уроженец Самарканда, он получил известность прежде всего как знаток ханафитского фикха. Его научное наследие охватывает также тафсир, калам, суфизм и ахлак (Садыбеков, 2016; Haron, 1994). Написанный им трактат «Китаб Мукаддима», известный также под названием «аль-Мукаддиму фи-с-салат» связан с кругом вопросов, касающихся молитвы, омовения, веры, адаба и ежедневного религиозного поведения. По данным К.А. Садыбекова, рукопись состоит из 47 листов (94 страниц), где на каждой странице имеются по шесть строк арабского текста, под которыми последовательно приводится мамлюкско-кыпчакский построчный перевод (Садыбеков, 2016). В других исследованиях, посвященных жизни и трудам, ас-Самарканди, подчеркивается прикладной характер этого труда и его значение для ранней традиции ханафитских учебно-наставительных текстов (Haron, 1994; Dinler, 2016).

Для востоковедческого исследования особую ценность представляет двуязычная интерлинейная структура рассматриваемой рукописи. Арабский текст в ней сопровождается мамлюкско-кыпчакским построчным переводом, что позволяет проследить не только передачу содержания, но и способы языковой адаптации арабской религиозной лексики и нормативных конструкций к тюркоязычному адресату. Мамлюкско-кыпчакский материал в этом отношении особенно показателен. Многоязычная среда Мамлюкского султаната (1250-1517) создала потребность в текстах, где арабская религиозно-правовая норма могла быть усвоена тюркоязычными адресатами. Классические работы по

мамлюкско-кыпчакской письменности показывают, что такие памятники нельзя рассматривать как обычные переводческие тексты, так как в них отражаются образовательная практика, терминологическая адаптация и особая культура обучения через религиозную книгу (Eckmann, 1963; D'hulster, 2024, 2025).

Для востоковедческой перспективы принципиально важно, что данная рукопись позволяет рассматривать исламизацию не как одномоментное заимствование терминов, а как длительный процесс обучения, повторения и языкового привыкания. В подобных памятниках культурная адаптация осуществляется на уровне микро-структуры текста: выбора глагола, формы обращения, порядка слов, способа сохранения арабской формулы рядом с тюркским пояснением. Поэтому анализ рукописи важен не только для изучения кыпчакского языка в историческом плане, но и для понимания того, как в средневековой книжной среде выстраивался мост между арабским религиозным авторитетом и тюркским адресатом, между нормой фикха и повседневной практикой верующего. Именно эта промежуточная зона часто остается менее заметной, чем крупные сюжеты, связанные с распространением ислама, хотя без ее учета невозможно объяснить устойчивость религиозной терминологии в тюркских языках и ее дальнейшую культурную продуктивность. Поэтому в настоящей статье рассматриваются не столько номинативные свойства религиозных норм в переводе, сколько их прагматическое оформление в языке адресата.

Иными словами, в центре исследования находится вопрос о том, за счет каких грамматических и лексико-семантических средств исламское предписание в кыпчакской строке сохраняет коллективную направленность и одновременно приобретает форму конкретного практического действия. В связи с этим в статье рассматриваются императивные конструкции типа «namaz qylyñ», «zekat berilñ», оформленные во втором лице множественного числа повелительного наклонения, а также арабские лексемы فرض (долг, обязательство), دعاء (молитвенное обращение, просьба), غيب (сокровенное, невидимое), جنة (рай), ذكر (зикр), خير / شر (добро и зло). Их анализ позволяет показать, каким образом арабская религиозная норма в кыпчакской глоссе сохраняет общинно-нормативный характер и получает выражение посредством тюркских

моделей конкретного действия. Исходное предположение состоит в том, что кыпчакская строка выполняет не только функцию межъязыковой передачи смысла, но и более сложную теолингвистическую задачу: она соотносит арабскую сакральную норму с тюркским глаголом, обычно используемым для обозначения действия, переводя отвлечённые предписания в конкретно исполняемые религиозные действия, входящие в коллективно разделяемую модель религиозного поведения. Цель статьи – раскрытие лингвистического механизма репрезентации исламских норм в рукописи «Китаб Мукаддима»

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, охарактеризовать интерлинейную структуру рукописи как механизм языковой репрезентации исламской нормы; во-вторых, определить грамматический статус и прагматическую функцию императива второго лица множественного числа в кыпчакской строке; в-третьих, установить роль ключевых арабских лексем в формировании концептуальной сетки обязанности, веры, ритуального действия и нравственной оценки.

Обзор литературы

Исследование опирается на три научных поля. Первое связано с изучением мамлюкско-кыпчакской письменности и конкретно текстов, возникших в образовательной и рукописной среде Мамлюкского султаната. Дж. Экманн в классическом обзоре мамлюкско-кыпчакской литературы показал жанровую неоднородность данного корпуса: в нем представлены лексикографические и грамматические сочинения, религиозно-дидактические тексты, юридические памятники и переводы с арабского (Eckmann, 1963). Позднейшие исследования дополняют эту картину данными о книжных собраниях, учебных практиках и рукописных копиях, связанных с мамлюкской элитой и казарменным обучением, включавшим религиозно-правовые тексты на арабском и тюркских языках (D'hulster, 2024, 2025). Для настоящей статьи принципиально важно, что тюркская строка в подобных памятниках может рассматриваться не как вторичное приложение к арабскому тексту, а как часть реальной педагогической ситуации, в которой религиозная норма объяснялась и усваивалась через язык адресата.

Второе исследовательское поле связано с изучением рукописной традиции труда Абу-ль-Лейса ас-Самарканди «Китаб Мукаддима» и истории его научного изучения. Особое значение для настоящего исследования имеет работа К.К.Аубакировой и М.М.Исахановой Кырджа, посвященная текстологическому сопоставлению двух арабско-мамлюкско-кыпчакских версий памятника: стамбульский (Ayasofya MS 1451) и каирский (Fih Hanafi MS 721). Важным для нашего востоковедческого исследования является вывод авторов о том, что подобные версии «Китаб Мукаддима» функционировали не только как переводные тексты, но и как средство объяснения арабского религиозного содержания кыпчакоязычной аудитории в рамках исламской образовательной традиции (Aubakirova & Issakhanova Kırca, 2026). В более позднем исследовании данная проблематика рассматривается более комплексно, с систематизацией научных работ о «Китаб Мукаддима» и анализом особенностей перевода арабского текста, лексического состава, фонетики, морфологии и интерлинейной организации памятника (Issakhanova Kırca, Mustafayeva & Aubakirova, 2026).

М. Харон рассматривает «Китаб Мукаддима» в контексте жизни и трудов Абу-ль-Лейса ас-Самарканди, подчеркивая ее место среди произведений, ориентированных на практическое религиозное знание (Haron, 1994). Эту линию дополняет работа Ф.Динлер, представляющая критическое издание «Mukaddimetü's-Salat» и показывающая, что тематическое ядро текста связано с ханафитской правовой традицией, молитвой и подготовительными условиями ее совершения (Dinler, 2016). Тематический круг рукописи охватывает сферы, в которых богословская норма непосредственно переходит в повседневную практику, что обуславливает особое внимание к глагольным формам действия в его мамлюкско-кыпчакских глоссах. В связи с этим при определении грамматического статуса мамлюкско-кыпчакских императивных форм учитывалось сравнительное описание показателей повелительного наклонения в исторических кыпчакских языках. В мамлюкско-кыпчакской парадигме второе лицо множественного числа выражается показателями -η и -ηIz (Öztürk, 2018, p.68). Данное соответствие позволяет рассматривать кыпчакские конструкции как средство

сохранения коллективной направленности арабского предписания.

Третье исследовательское поле связано с проблемами религиозного языка, языкового контакта и культурной концептуализации. У.Кин (Keane) одним из первых в антропологической лингвистике четко сформулировал, что язык религии раскрывается на стыке контекста, адресации и практики (Keane, 1997). Б. Сполски (Spolsky), рассматривая религию как пространство языкового контакта, подчеркивает, что перевод священных и наставительных текстов неотделим от вопросов наличия авторитета, идентичности и языкового выбора (Spolsky, 2003). В более поздних исследованиях религиозного дискурса данная мысль развивается через анализ многоязычия, арабских формул, перевода и транслингвальных практик (Brink-Danan, 2015; Alsaawi, 2022; Al Shlowiy, 2022; Nofal, 2023). Именно в этой интерпретации «Китаб Мукаддима» приобретает особую значимость, так как в ней арабский язык сохраняет функцию языка откровения и правовой нормы, тогда как кыпчакская строка берет на себя функцию языка понимания, обучения и практического включения адресата в исламскую нормативную традицию.

Когнитивно-лингвистическая рамка позволяет рассматривать религиозные лексемы не как изолированные словарные единицы, а как элементы концептуальной системы. В трудах В.Эванс (Evans) значение слова описывается как результат доступа к более широким когнитивным моделям, а не как фиксированная сумма словарных признаков (Evans, 2009). Важное значение для настоящего исследования имеет также теория культурной концептуализации Ф.Шарифиан (Sharifian), в которой концептуализация рассматривается как устойчивое когнитивное образование, закрепленное в языке посредством схем, категорий и метафор, разделяемых членами определенного сообщества (Sharifian, 2017). С.Песина и Т.Солончак также подчеркивают многослойную природу концептов, включающих понятийные, образные, эмоциональные и ассоциативные компоненты (Pesina & Solonchak, 2015). В этой связи зафиксированные в рукописи лексемы فرض (долг, обязательство), دعاء (молитвенное обращение, просьба), غيب (сокровенное, невидимое), جنة (рай) целесообразно рассматривать не только как номинативные обозначения исламских

понятий, но и как элементы более широкой концептуальной системы, участвующие в формировании религиозной картины мира тюркоязычного адресата.

Данный подход находит продолжение и в казахстанских исследованиях последних лет. Так, работа, посвященная лексикографическому отражению религиозных терминов в казахском языке, показывает, что исламская терминология требует комплексного описания, поскольку ее семантика формируется на пересечении богословского, лексикографического и культурного уровней (Mustafayeva et al., 2024).

Материалы и методы

Материалом исследования является мамлюкско-кыпчакская версия «Китаб Мукаддима» Абу-ль-Лейса ас-Самарканди, хранящаяся в библиотеке Сулеймание в Стамбуле под №1451. Рукопись представляет собой двуязычную структуру: арабская строка сопровождается кыпчакским переводом-глоссой. В ходе изучения рукописи были отобраны фрагменты, в которых религиозная норма выражена через императивные конструкции, а также фрагменты с ключевыми религиозными лексемами: فرض (долг, обязательство), دعاء (молитвенное обращение, просьба), غيب (сокровенное, невидимое), جنة (рай), ذكر (зикр), خير / شر (добро и зло) (Ayasofya MS 1451, XV. P. 4b4, 5b6, 1b2, 33b6, 8b2, 5b1, 4b3). Отдельное внимание уделено словосочетаниям أقيموا الصلاة (aqīmū ṣ-ṣalāt) - «namaz qylyñ» и أتوا الزكاة (ātū z-zakāt) - «zekat beriñ» (Ayasofya MS 1451, 2a2), поскольку именно они позволяют увидеть связь между арабской формой предписания и ее кыпчакской грамматической реализацией.

Исследование не ставит целью подготовку критического издания рукописи и не претендует на полное описание всех ее листов. Исследование имеет аналитический характер, так как из рукописного материала отобраны те фрагменты, которые позволяют проследить механизм передачи нормы, адресации и концептуального содержания. Такой подход оправдан тем, что интерлинейные тексты требуют не только текстологического, но и функционального чтения. Важно проследить, функционирование перевода в отношении адресата, а также процесс трансформации знания в предписание.

Методологическая работа соединяет несколько процедур. Текстологическое описание используется для определения характеристик двуязычной структуры рукописи. Семантический анализ применяется при рассмотрении лексем, связанных с религиозными концептами. Прагматический анализ позволяет выявить, формирование адресации текста посредством императивных форм и переход религиозного предписания в плоскость практического действия.

Сопоставительный анализ арабской и кыпчакской строк выявляет переводческие решения, в которых арабская норма передается через тюркские глагольные модели. Наконец, элементы концептуального моделирования используются для описания того, как лексемы فرض (долг, обязательство), دعاء (молитвенное обращение, просьба), غيب (сокровенное, невидимое), جنة (рай), ذكر (зикр), خير / شر (добро и зло) образуют внутри текста сеть религиозно-нормативных смыслов.

Результаты и обсуждение

3.1. Интерлинейная структура в качестве механизма понимания

Главная особенность рукописи Ayasofya MS 1451 состоит в том, что арабский текст и кыпчакская глосса не разделены как оригинал и самостоятельный перевод. Они находятся в одном визуальном и смысловом поле. Такая организация создает особый режим чтения: адресат видит арабскую форму, сохраняющую религиозный авторитет, и одновременно получает тюркское объяснение, позволяющее понять и исполнить предписание. Поэтому интерлинейность здесь является не только техническим приемом письма, но и педагогической стратегией. Для религиозного текста это является принципиально важным аспектом, так как арабская строка не исчезает и не заменяется кыпчакской. Напротив, она остается источником нормы, но кыпчакская строка снимает дистанцию между сакральным языком и практикой адресата. В результате возникает двухслойная модель: арабский текст отвечает за авторитет и доктринальную точность, кыпчакская глосса – за доступность, действие и включение адресата в общую практику. Именно поэтому такие переводы нельзя сводить к простому набору эквивалентов. Они работают как посредники между знанием и исполнением. В этой модели особенно заметна

роль глагола. В арабском тексте предписание часто выражается через форму повелительного наклонения, а в кыпчакской строке оно получает аналитическое оформление с глаголами *qyl* и *ber*. Через их использование норма оказывается встроенной в тюркскую грамматику: намаз, закят в переводе передаются не как отвлеченные понятия, а как призыв к действию «совершайте намаз», «давайте закят».

3.2. Императив и коллективная адресация

Наиболее показательными для анализа прагматической функции кыпчакской строки являются арабские конструкции أقيّموا الصلاة (*aqīmū ṣ-ṣalāt*) и أتوا الزكاة (*ātū z-zakāt*). В арабском тексте обе конструкции выражены в форме второго лица множественного числа повелительного наклонения и обращены к коллективному адресату. Кыпчакские соответствия «*namaz qylyñ*», «*zekat beriñ*» также оформлены во втором лице множественного числа, что обеспечивает сохранение коллективной адресации и директивной модальности исходного предписания. Такая форма обращения позиционирует отдельного адресата как участника религиозной общины и подчеркивает общинный характер исполнения предписания.

Сопоставление грамматических конструкций в двух языках показывает, что прагматическая адаптация не связана с изменением лица или директивной модальности исходного предписания. Различие заключается в лексико-синтаксической организации глагольного действия. В арабской строке религиозные предписания выражены сочетанием религиозных терминов «намаз» и «зекят» с глаголами в императивной форме «*aqīmū* и «*ātū*», тогда как в кыпчакской глоссе эти термины сочетаются с тюркскими глаголами *qyl* и *ber*. Глагол *qyl* в сочетании с лексемой *namaz* образует предикативную конструкцию, обозначающую совершение ритуального действия, а глагол *ber* в сочетании с лексемой *zakāt* сохраняет значение передачи и исполнения социально-религиозной обязанности. Таким образом, предписание на арабском языке не меняет своего коммуникативного статуса, но получает лексико-синтаксическое оформление, характерное для кыпчакской глагольной системы. Сакральное содержание сохраняет связь с арабо-исламской традицией, тогда как способ его языкового выражения адаптируется к структуре языка перевода.

Таблица 1
Передача императивных форм в кыпчакской глоссе

Арабская конструкция	Грамматический признак в арабской строке	Кыпчакская глосса	Грамматический признак в кыпчакской строке	Прагматическая функция
أقيموا الصلاة (aqīmū ṣ-ṣalāt)	2 лицо, множественное число, повелительное наклонение	namaz qylyñ	2 лицо, множественное число, повелительное наклонение	Сохраняет коллективную адресацию и директивную модальность исходного предписания, представляет совершение намаза как общинно значимую норму.
أتوا الزكاة (ātū z-zakāt)	2 лицо, множественное число, повелительное наклонение	zekat berīñ	2 лицо, множественное число, повелительное наклонение	Сохраняет коллективную направленность предписания и представляет выплату зеката как общинно значимую социально-религиозную обязанность

3.3. Концептуальная сетка религиозных норм

Помимо императивов, в рукописи встречается ряд лексем, которые формируют смысловое ядро религиозного наставления: فرض (долг, обязательство), دعاء (молитвенное обращение, просьба), غيب (сокровенное, невидимое), جنة (рай), ذكر (зикр), خير / شر (добро и зло). Эти лингвистические единицы относятся к разным зонам религиозной картины мира: к обязанностям молитвенной коммуникации, скрытым знаниям, эсхатологической надежде и ритуальной памяти, нравственной оценке. Их присутствие в тексте «Китаб Мукаддима» показывает, что автор не ограничивается инструкцией только по религиозным актам и нормам, а связывает действия верующего с верой, знанием, надеждой, страхом, нравственным выбором и коллективной нормой.

فرض (долг, обязательство) занимает в этой системе центральное место. В исламском понимании это не просто долг, а обязанность, закрепленная религиозным авторитетом. В кыпчакской строке فرض (парыз) получает практическое измерение через императивы: обязанность не только называется, но и разворачивается в последовательность действий. В казахско-тюркской культурной перспективе эта лексема легко соединяется с представлениями о нравственном долге, вверенной ответственности. Поэтому она становится удобным мостом между шариатской нормой и социально-нравственным языком тюркского адресата.

В отличие от лексемы فرض (долг, обязательство), в семантической структуре которой доминирует значение обязанности и нормативного долженствования, دعاء (молитвенное обращение, просьба) актуализирует иной аспект рели-

гиозной коммуникации – просьбу, надежду, внутреннее обращение и эмоциональное упование. Однако в контексте рукописи молитвенное обращение не противопоставляется религиозной норме, а включается в систему предписанного и одобряемого поведения верующего. Иными словами, دعاء (молитвенное обращение, просьба) функционирует не только как форма личного обращения к Богу, но и как элемент нормативно организованной религиозной практики. Это позволяет рассматривать молитву и предписание не как изолированные явления, а как взаимосвязанные компоненты единой системы, в которой говорение, действие и вера образуют целостную модель религиозного поведения (Keane, 1997; Nofal, 2023).

Лексемы غيب (сокровенное, невидимое) и جنة (рай) репрезентируют онтологический и эсхатологический уровни религиозной картины мира. غيب (сокровенное, невидимое) соотносится с областью невидимого и скрытого, то есть с тем, что выходит за пределы человеческого знания и относится к сфере божественного видения. جنة (рай), в свою очередь, актуализирует представление о конечной надежде, награде и будущем воздаянии. В совокупности эти единицы расширяют прагматику рукописного текста: религиозное действие осмысливается не только как исполнение нормы, но и как поступок, включенный в более широкий порядок веры, ответственности и эсхатологического ожидания. Таким образом, рукопись связывает повседневную практику верующего с целостной религиозной картиной мира.

Лексемы ذكر (зикр), خير / شر (добро и зло) формируют аксиологический уровень религиозной картины мира, представленный в рукописи. ذكر (зикр) соотносится с памятью о Боге,

повторением сакральных формул. Лексемы жақсылық и жамандық, в свою очередь, репрезентируют базовую нравственную оппозицию, без которой религиозные предписания не могут быть осмыслены как ценностно значимые действия. Если فرض (долг, обязательство) определяет сферу обязательного, то شرّ и خير (добро и зло) задают критерии нравственной оценки, а ذكر (зикр) обеспечивает связь между ритуальным действием, памятью о Боге и верой.

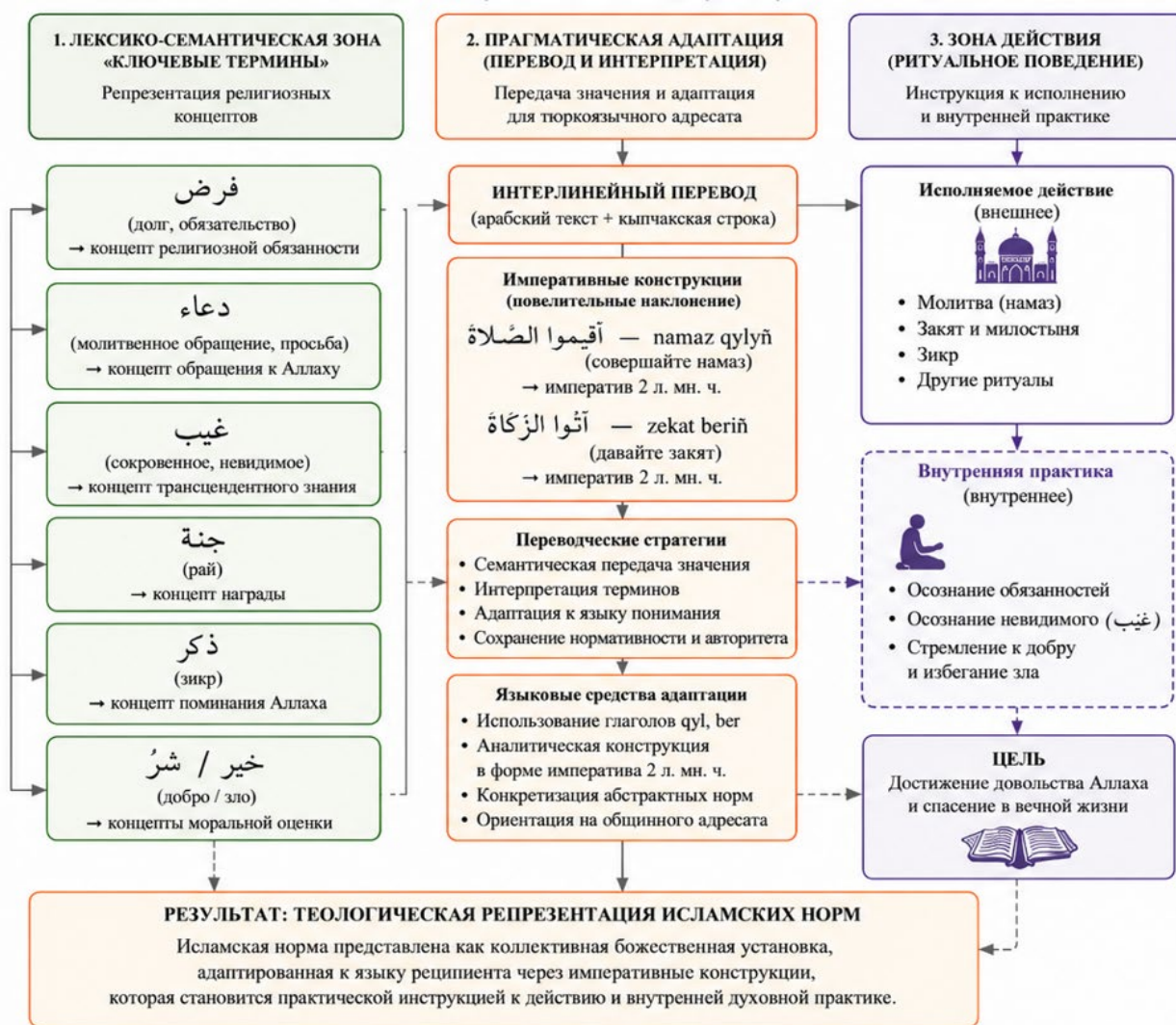
Следовательно, концептуальная организация рукописи включает как минимум четыре взаимосвязанных слоя: нормативный, коммуникативный, онтологический и аксиологический.

Нормативный уровень рукописного текста репрезентирован лексемой فرض (долг, обяза-

тельство) и императивными конструкциями, задающими обязательность религиозного действия. Коммуникативный уровень связан с лексемой دعاء (молитвенное обращение, просьба), обозначающей форму обращения к Богу и выражающей внутреннюю направленность верующего. Онтологический и эсхатологический уровни актуализируются через лексемы غيب (сокровенное, невидимое) и جنة (рай), которые соотносят повседневное религиозное действие с представлениями о невидимом, божественном знании и будущем воздаянии. Аксиологический уровень представлен лексемами ذكر (зикр), خير / شرّ (добро и зло), формирующими ценностную рамку религиозных норм поведения в обществе (Схема-1).

Схема 1

Теологическая репрезентация исламских норм в Китаб Мукаддима (Ayasofya MS 1451).

Следовательно, в «Китаб Мукаддима» исламская религиозная норма получает не только терминологическое, но и прагматическое оформление. Арабская строка сохраняет статус авторитетного религиозного источника, тогда как кыпчакская глосса представляет предписание в понятной и исполнимой для

тюркоязычного адресата форме. В этой системе императивные формы задают обязательность действия, религиозные лексемы раскрывают его смысловые и ценностные основания, а переводная строка обеспечивает переход от сакральной формулы к практическому религиозному поведению.

Таблица 2

Концептуальные зоны религиозных лексем в рукописи

Лексема	Концептуальная зона	Основной смысл	Функция в тексте
فرض (долг, обязательство)	Нормативная	Обязательное религиозное предписание, закрепленное авторитетом исламской нормы	Организует модель обязательных действий мусульман
دعاء (молитвенное обращение, просьба)	Коммуникативная	Обращение к Богу, надежда, просьба	Связывает религиозный акт и эмоции верующего
غيب (сокровенное, невидимое)	Онтологический и эсхатологический	Сокровенное, невидимое, недоступное непосредственному человеческому знанию	Задаёт предел человеческого знания и доверия Богу
جنة (рай)		Рай, награда, надежда	Соединяет действие с перспективой воздаяния
ذكر (зикр)	Аксиологическая	Поминание Бога, повторение сакральных формул, поддержание памяти о Боге	Поддерживает память о Боге
خير / شر (добро и зло)		Добро и зло	Формирует нравственную оценку действия

3.4. Теолингвистическая модель рукописи

Проведенный анализ позволяет предложить теолингвистическую модель рукописи, включающую три взаимосвязанных уровня. *Первый уровень – сакрально-нормативный.* Он представлен арабской строкой, сохраняющей связь текста с языком исламского знания, религиозно-правовой нормой и письменной традицией. *Второй уровень – объяснительно-прагматический.* Его образует кыпчакская глосса, посредством которой содержание религиозного предписания получает выражение на языке адресата. *Третий уровень – концептуально-аксиологический.* Он формируется благодаря объединению отдельных предписаний в систему религиозных понятий: обязанности, молитвы, сокровенного, рая, поминания Бога, добра и зла. Эти уровни не существуют изолированно, так как являются частями единой двуязычной структуры рукописи. Арабская строка обеспечивает связь с источником сакрального и религиозно-правового авторитета, тогда как кыпчакская глосса передает нормативное содержание средствами тюркского языка. В свою очередь религиозные лексемы и императивные конструкции, используемые в рукописи, образуют взаимосвязанную систему языковой репрезентации исламской нормы.

Поэтому мамлюкско-кыпчакскую версию «Китаб Мукаддима» можно рассматривать как двуязычный текст, прагматически адаптированный для реципиента, в котором религиозное содержание передается тюркоязычному адресату не только на уровне лексических соответствий, но и через грамматические и прагматические модели языка перевода. Кыпчакская строка показывает, каким образом предписание становится частью языковой практики адресата и выстраивается связь с религиозно-культурной системой ценностей общества.

Важную роль в этой модели выполняют формы повелительного наклонения второго лица множественного числа. Сохраняя коллективную направленность и директивную модальность арабского предписания, они одновременно представляют отдельного адресата как участника религиозной общины и исполнителя конкретно обозначенного действия. Таким образом, общая религиозная норма получает в кыпчакской строке форму конкретно исполнимого действия, обязательного для каждого члена уммы. Данный вывод соотносится с представлением религиозного дискурса как пространства языкового контакта. Спольски отмечает, что религиозные традиции нередко создают

ситуации, в которых один язык обладает сакральным авторитетом, тогда как другой обеспечивает передачу и освоение религиозного знания в повседневной коммуникативной практике (Spolsky, 2003).

Заключение

Проведенный анализ двуязычной версии «Китаб Мукаддима» показывает, что данный памятник представляет собой сложную форму теолингвистической адаптации арабоязычного исламского нормативного текста к тюркоязычному адресату. Интерлинейная структура рукописи обеспечивает одновременное сохранение религиозного авторитета источника и передачу содержания текста в понятной адресату кыпчакской языковой форме. В этом отношении арабская строка выполняет функцию источника сакральной и правовой нормы, тогда как кыпчакская глосса становится средством ее объяснения, усвоения и практического исполнения.

Особое значение имеет сопоставление арабских императивных конструкций с их кыпчакскими соответствиями, образованными с глаголами *qyl* и *ber*. Анализ императивных конструкций *أقيموا الصلاة* (*aqīmū ṣ-ṣalāt*) – *namaz qylyñ*, *أتوا الزكاة* (*ātū z-zakāt*) – *zekat beriñ* показывает, что кыпчакская глосса сохраняет коллективную адресацию и директивную модальность. Таким образом, прагматическая адаптация проявляется не в изменении лица или числа, а через передачу общинного характера нормы средствами кыпчакской глагольной системы.

Религиозные термины *فرض* (долг, обязательство), *دعاء* (молитвенное обращение, просьба), *غيب* (сокровенное, невидимое), *جنة* (рай), *ذكر* (зикр), *خير / شر* (добро и зло) образуют в тексте взаимосвязанную концептуальную систему. *فرض* (долг, обязательство) репрезентирует

сферу обязательного религиозного действия, *دعاء* (молитвенное обращение, просьба) обозначает молитвенное обращение и внутреннюю направленность верующего, *غيب* (сокровенное, невидимое) и *جنة* (рай) связывают повседневную практику с представлениями о невидимом мире, божественном знании и будущем воздаянии, *ذكر* (зикр) и *خير / شر* (добро и зло) формируют ценностную рамку религиозного поведения. В совокупности эти единицы показывают, что исламская норма в рукописи осмысливается не только как правовое или богословское предписание, но и как часть целостной религиозной картины мира мусульман (см. схему 1).

Результаты исследования позволяют рассматривать рукопись *Ayasofya MS1451* как важный источник для изучения арабско-тюркского религиозного многоязычия. Значение данной рукописи состоит в том, что она демонстрирует не только передачу исламской терминологии в оригинале, но и механизм ее прагматического закрепления в языке адресата. В рукописи религиозное знание в полной мере раскрывается через грамматическую форму, ритуальное действие и систему ценностных понятий. Поэтому материал «Китаб Мукаддима» важен не только для диахронного изучения в тюркологии и востоковедении, но и для более широкого изучения религиозного дискурса, языкового контакта и культурной адаптации исламской традиции в тюркской книжной среде.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта: Теолингвистический дискурс в рукописи «Китаб Мукаддима Абу Лейс ас-Самарканди» на мамлюкско-кыпчакском языке (XV век) [AP27510517].

Литература

- Абу-ль-Лейс ас-Самарканди. (XV в.) Китаб Мукаддима. [Рукопись]. Стамбул: Библиотека рукописей Сулеймане, *Ayasofya MS 1451*.
- Аль Шловий А.С. (2022). Язык, религия и коммуникация: ислам и арабский язык в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Журнал азиатско-тихоокеанской коммуникации, 32(2), 198–213. <https://doi.org/10.1075/japc.00040.shl>
- Альсаави, А. (2022). Использование языка и религии с социолингвистической точки зрения. Журнал азиатско-тихоокеанской коммуникации, 32(2), 236–253. <https://doi.org/10.1075/japc.00039.als>
- Аубакирова, К.К., Исаханова Кырджа, М.М. (2026). Текстологический анализ рукописи «Китаб аль-Мукаддима» на мамлюкско-кыпчакском языке XV века: на материале *Ayasofya MS 1451* и *Fiqh Hanafi MS 721*. Журнал тюркологических исследований, специальный выпуск, 56–76. <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-2SI-56-76>

- Бринк-Данан, М. (2015). Вера в диалоге: перевод, транслингвизм и британские дискуссии о Боге. Журнал лингвистической антропологии, 25 (2), 173–194 <https://doi.org/10.1111/jola.12088>
- Д'Хюльстер, К. (2024). Просматривая книжные полки султана: к реконструкции библиотеки мамлюкского султана Кансуха аль-Гаури (906-922/1501-1516). Бонн: Издательство Боннского университета.
- Д'Хюльстер, К. (2025). Тюркские учебные записи Кайта Шарифи и первые арабские письменные упражнения Тамурбая: язык и образование в мамлюкских казармах на материале Ayasofya MS 1448. Обзор мамлюкских исследований, 28, 39-103.
- Динлер Ф. (2016). Критическое издание произведения Абу-ль-Лейса ас-Самарканди (ум.373/983) «Мукаддимат ас-салат». Журнал исследований исламского права, 28, 519–563.
- Исаханова Кыржа, М., Мустафаева, А., & Аубакирова, К. (2026). Исследование труда «Китаб Мукаддима» как религиозного памятника, переведенного с арабского на мамлюкско-кыпчакский язык. Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение Востоковедение. Тюркология, 155(2), 160–173. <https://doi.org/10.32523/2616-6887-2026-155-2-160-173>
- Кин, У. (1997). Религиозный язык. Ежегодный обзор антропологии, 26, 47–71. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.26.1.47>
- Мустафаева, А. А., Мұхитдинов, Р. С., Кенжебаева, У. Е., Аубакирова, Қ. Қ., Кулахметова, М. С. Лексикографическое отражение религиозных терминов в казахском языке. Вестник Торайгыров университета. Филологическая серия. – 2024. – № 2. – С. 305–321. <https://doi.org/10.48081/CWOH1868>
- Нофал, М. (2023). Корпусное исследование употребления языка в религиозном дискурсе. Журнал исследований в области прикладной лингвистики, 14(1), 42-60. <https://doi.org/10.22055/rals.2023.18067>
- Озтюрк, А. (2018). О различиях суффиксов наклонения в куманском, мамлюкско-кыпчакском, армяно-кыпчакском и караиском языках. Журнал исследований языка и литературы RumeliDE. Специальный выпуск 4, 63 –74. <https://doi.org/10.29000/rumelide.454236>
- Песина, С., Солончак, Т. (2015). Концепт в когнитивной лингвистике и биокогнитивной науке. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 192, 587–592. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.06.100>
- Садыкбеков, К.А. «Китаб Мукаддима Абу Лейс ас-Самарканди» и его язык: монография. –Алматы: Таңбалы, 2016. 412 с.
- Спольски, Б. (2003). Религия как пространство языкового контакта. Ежегодный обзор прикладной лингвистики, 23, 81-94. <https://doi.org/10.1017/S0267190503000205>
- Харон, М. (1994). Жизнь и труды Абу-ль-Лейса ас-Самарканди с особым вниманием к его произведению «Аль-Мукаддима». Исламские исследования, 33 (2/3), 319–340.
- Шарифиан, Ф. (2017). Культурная лингвистика: культурная концептуализация и язык. Амстердам; Филадельфия: Джон Бенджаминс. <https://doi.org/10.1075/clsc.8>
- Экманн, Дж. (1963). Мамлюкско-кыпчакская литература. Центральноазиатский журнал, 8 (4), 304–319.
- Эванс, В. (2009). Как слова выражают значение: лексические концепты, когнитивные модели и конструирование значения. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.

References

- Abu al-Layth al-Samarqandi. (15th c.). *Al-Muqaddima fi al-Salat* [Manuscript]. Süleymaniye Manuscript Library, Ayasofya MS 1451, Istanbul.
- Al Shlowiy, A. S. (2022). Language, religion, and communication: The case of Islam and Arabic in the Asia-Pacific. *Journal of Asian Pacific Communication*, 32(2), 198-213. <https://doi.org/10.1075/japc.00040.shl>
- Alsaawi, A. (2022). The use of language and religion from a sociolinguistic perspective. *Journal of Asian Pacific Communication*, 32(2), 236-253. <https://doi.org/10.1075/japc.00039.als>
- Aubakirova, K. K., & Issakhanova Kirca, M. M. (2026). A textual analysis of the manuscript “Kitab al-Muqaddima” in the Mamluk-Kipchak language (15th Century): Based on the Ayasofya MS 1451 and Fiqh Hanafi MS 721 versions. *Turkic Studies Journal, Special Issue*, 56–76. <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-2SI-56-76>
- Brink-Danan, M. (2015). Faith in conversation: Translation, translanguaging, and the British God Debate. *Journal of Linguistic Anthropology*, 25(2), 173-194 <https://doi.org/10.1111/jola.12088>
- D'hulster, K. (2024). *Browsing through the Sultan's Bookshelves: Towards a Reconstruction of the Library of Mamluk Sultan Qanisawh al-Ghawri (r.906-922/1501-1516)*. Bonn University Press.
- D'hulster, K. (2025). Qayt Sharifi's Turkic Class Notes and Tamurbay's First Arabic Scribbles: Language and Education at the Mamluk-Barracks in Light of Ayasofya MS 1448. *Mamluk Studies Review*, 28, 39-103.
- Dinler, F. (2016). Ebu'l-Leys es-Semerkindi'nin (v.373/983) Mukaddimety's-Salat isimli eserinin tahkiki nesri. *Islam Hukuku Arastirmalari Dergisi*, 28, 519-563.
- Eckmann, J. (1963). The Mamluk-Kipchak literature. *Central Asiatic Journal*, 8(4), 304-319.
- Evans, V. (2009). *How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models, and Meaning Construction*. Oxford University Press.
- Haron, M. (1994). Abu'l-Layth al-Samarqandi's life and works with special reference to his Al-Muqaddimah. *Islamic Studies*, 33(2/3), 319-340.
- Issakhanova Kirca, M., Mustafayeva, A., & Aubakirova, K. (2026). Arapça Asıllı Memlük Kıpçak Türkçesine Aktarılan Dini Bir Eser Olarak Kitab-ı Mukaddime'nin Çevirisi Üzerine Yapılan Çalışmalar. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series.*, 155(2), 160–173. <https://doi.org/10.32523/2616-6887-2026-155-2-160-173>

- Keane, W. (1997). Religious language. *Annual Review of Anthropology*, 26, 47-71. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.26.1.47>
- Mustafayeva, A. A., Mukhitdinov, R. S., Kenzhebayeva, U. E., Aubakirova, K. K., Kulakhmetova, N. S. (2024). Dini terimlerin qazaq tilindegi leksikografialyq korinisi [Lexicographic representation of religious terms in the Kazakh language]. *Bulletin of Toraigyrov University. Philology Series*, 2, 305-321. <https://doi.org/10.48081/CWOH1868> (In Kazakh)
- Nofal, M. (2023). A Corpus-driven exploration of language use in religious discourse. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 14(1), 42-60. <https://doi.org/10.22055/rals.2023.18067>
- Öztürk, A. (2018). Kuman, Memlük, Ermeni Kıpçak ve Karay Türkçelerindeki Kip Eklerinde Görülen Farklılıklar Üzerine. [On differences in modal suffixes of Cuman, Mameluke, Armenian Kipchak and Karaim dialects]. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, Special Issue 4*, 63–74. <https://doi.org/10.29000/rumelide.454236> (In Turkish)
- Pesina, S., & Solonchak, T. (2015). Concept in Cognitive Linguistics and Biocognitive Science. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 192, 587-592. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.06.100>
- Sadyqbekov, Q.A. (2016). *Kitab Muqaddima Abu Lays as-Samarkandi eskertkishi zhane onyn tili* [The monument “Kitab Muqaddima Abu Lays as-Samarkandi” and its language]. Tanbaly.
- Sharifian, F. (2017). *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualization and Language*. John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/clscc.8>
- Spolsky, B. (2003). Religion as a site of language contact. *Annual Review of Applied Linguistics*, 23, 81-94. <https://doi.org/10.1017/S0267190503000205>

Сведения об авторе:

Кенжебаева Улпан Ермаханбетовна – магистр гуманитарных наук, докторант по специальности «Лингвистика», руководитель офиса коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан, e-mail: uli.05@mail.ru).

Information about the author:

Kenzhebayeva Ulpan Ermakhanbetovna – Master of Humanities, doctoral student in Linguistics, Head of the Office for Commercialization of the Results of Scientific and Scientific-Technical Activities, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: uli.05@mail.ru).

Автор туралы мәлімет:

Кенжебаева Улпан Ермаханбетовна – гуманитарлық ғылымдар магистрі, «Лингвистика» мамандығы бойынша докторант, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Ғылыми және ғылыми-техникалық қызмет нәтижелерін коммерцияландыру кеңсесінің жетекшісі (Алматы, Қазақстан, e-mail: uli.05@mail.ru).

Поступила 24 июля 2026 года
Принята 24 сентября 2026 года